

- 12.Тобольская Марининская гимназия. Историческая записка о первом женском учебном заведении Тобольска. К 140-летию юбилею / Сост. Г.К. Скачкова, ред. Г.Т. Бонифатьева. Тобольск, 1992. С.13.
- 13.Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. СПб., 1905. С. 53.
- 14.Рылова Е.П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1898. Т. 3. С. 34–36.
- 15.Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 19 ноября 1864г. // Реформы Александра II. Москва, 1998. - §13.
- 16.Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 19 ноября 1864г. // Реформы Александра II. Москва, 1998. §25-28.

Латыпов Р.Т
(Екатеринбург)

**Материально-техническое, финансовое и учебно-методическое
обеспечение национальных школ Урала
во второй половине 1920 –х гг.**

В 1925 г. активизировалась деятельность партийных и советских органов Урала по дальнейшему развитию народного образования, расширению школьного строительства, созданию и совершенствованию письменности нерусских народов, обеспечению школ и ликпунктов учителями, учебниками и учебно-наглядными пособиями. Большую роль в развитии просвещения национальных меньшинств, расширении сети школ на родном языке и усилении работы по ликвидации неграмотности сыграли решения январского (1925 г.) Пленума Уралобкома партии «О советско-партийной работе среди национальных меньшинств» (1) и решение секретариата обкома партии в июне 1927 г. (2).

Основное внимание обращалось на улучшение начального образования нацменьшинств. Темпы роста национальных школ 1-ой ступени опережали рост аналогичных русских школ. В 1925/26 учебном году по области насчитывалось 416 национальных школ 1-ой ступени, в 1927/28 учебном году их количество достигло 538. С 1923 по 1927 гг. общий рост всех школ 1-ой ступени составил 15 %, тогда как национальных – 29 %. Соответственно увеличились штаты национальных школ: в 1925/26 учебном году в области преподавало 718 учителей, а в 1927/28 учебном году – 923 (3).

Увеличивались темпы охвата учебой нерусских детей школьного возраста: в 1925/26 учебном году – 35,9 %, в 1926/27 – 42,7 % и в 1927/28 учебном году – 52 %. Однако, если эти данные сравнивать с русскими школами, то здесь явное отставание: в 1925/26 учебном году учебой было охвачено 47,2 % детей школьного возраста, в 1926/27 – 52,6 % и в 1927/28 учебном году – 62,7 % (4).

С ростом числа национальных школ в области увеличивался штат преподавателей, но квалификация учителей национальных школ была низкой. По школьной переписи 1927 г. качественный состав учителей по семи национальным районам был следующим: среди татаро-башкирских учителей имели незаконченное высшее образование 2,7 %, среднее образование – 26,5 %, медресе (нижесредняя школа) – 41,8 % и с низшим образованием – 29 %. Среди коми-пермяцких учителей имели высшее образование – 4,3 %, среднее – 57 % и низшее – 38,7 %. У марийских учителей среднее образование имели 72,7 % и низшее – 17,3 % (5).

При этом к высшему образованию зачисляли учителей, которые окончили высшие мусульманские учебные заведения, как, например, «Медресе Мухамадие» в г. Казани или «Медресе Галие» в г. Уфе. К среднему образованию причисляли учителей, которые закончили трехгодичные педагогические курсы «Медресе Иггадие». К нижесреднему образованию причисляли учителей, окончивших четырехклассные татарские школы высшего начального типа, которые назывались «Медресе руждин» (6).

В связи с низкой квалификацией преподавательского состава нацшкол в течение 1924/25 учебного года были проведены курсы для учителей. Эти областные двухмесячные курсы были запланированы на 112 часов. Для представителей трех наиболее крупных национальностей были проведены одномесечные курсы, при этом для татаро-башкирских учителей было проведено 45 часов, для марийских – 32 часа и для коми-пермяцких – 31 час. В течение 1925/26 учебного года подобные курсы были проведены вновь. При этом для татаро-башкирских и коми-пермяцких учителей курсы проходили в течение полутора месяцев, для марийских – один месяц (7).

Обучение в нацшколах проходило на родном языке, но со второго года вводился русский язык. В школах с четырьмя группами имелся преподаватель русского языка. Необходимость преподавания русского языка в таких школах очевидна. Но в начале 1920-х гг. преподавание русского языка в нацшколах рассматривалось как преподавание иностранного языка в русской школе, перелом начинается только в 1927 г.

Для учителя русского языка выделялось особое время, но часто его работа в школе проходила автономно, самостоятельно, будучи несвязанной с учебным планом и процессом. Поэтому методы преподавания русского языка в национальной школе отличались от общих методов и принципов работы. Учителя русского языка шли ощупью, а в некоторых школах применяли «...такие нелепые приемы как мимика...» (8).

Преподавание русского языка шло в разрез с общей программой национальной школы. Обычно, преподаватель русского языка в четырехлетней национальной школе обучал учащихся второй, третьей и четвертой групп. Учитель как предметник уделял каждой группе в среднем пять часов в неделю или один учебный час в день, он составлял расписание, согласуя время занятий с другими преподавателями. Учитель занимался в этих груп-

пах по своему плану обучения, руководствуясь учебниками, предназначенными для соответствующей группы: для второй группы учебниками первого года обучения, для третьей группы – второго года обучения и для четвертой группы – третьего года обучения.

В связи с введением во второй половины 1920-х гг. в нацшколах края нового плана обучения, рекомендованного Государственным ученым советом (ГУС), учитель русского языка оказался в весьма затруднительном положении. Его план обучения не совпадал с общим учебным планом, так как программы ГУСа предусматривали комплексное изучение определенной темы на всех предметах, а учитель русского языка со своим планом обучения выпадал из этой системы преподавания.

Нацменьшинства в основной массе жили в сельской местности. В крестьянских семьях говорили на родном языке, поэтому ребенок до поступления в школу русским языком практически не владел. До 8–10-летнего возраста мировоззрение ребенка из национальной семьи было связано с его родным языком, поэтому преподавателям русского языка в нацшколах приходилось нелегко. Дети не всегда понимали предмет, не все усваивали, ходили на эти уроки с нежеланием. Ребенку было очень трудно усваивать материал, мысли его рассеивались, так как ему одновременно нужно было сосредоточить свою мысль на том предмете, о котором идет речь и запомнить произношение слов на непонятном ему языке. Далеко не все преподаватели могли мобильно перестроить свой учебный план. В основной массе учителя работали по своим традиционным программам. Однако находились энтузиасты своего труда, которые перестраивали свой учебный план к определенной теме комплексного изучения программ ГУСа. Так, например, темы: «Охрана здоровья», «Начало весенних работ» самостоятельно вносились ими в свой учебный план.

Были и другие причины, которые осложняли работу учителя русского языка в национальной школе. В большинстве случаев преподавателями русского языка в школах этнических меньшинств были русские, которые, естественно, родного языка обучаемых не знали. Работая с 3–4-мя группами учащихся, учителю было очень трудно дать полноценные знания русского языка. Поэтому учителя-нацмены предлагали открыть для них специальные курсы русского языка, чтобы они могли сами преподавать в своих школах русский язык.

В связи с введением русского языка в национальных школах 1-ой ступени срок обучения был продлен с четырех до пяти лет. Это было обусловлено тем, что дети одновременно обучались на родном и русском языках, большим объемом изучаемого материала, а также отсутствием дошкольного воспитания и культурной отсталости детей, что не позволяло им полноценно усвоить учебный материал, предусмотренный программами ГУСа в течение четырех лет обучения.

Однако в 1925 г. не все национальные школы перешли на пятилетний курс обучения. Основной причиной тому было – это отсутствие средств и подготовленных школьных работников.

В 1925 г. УралОНО принял второй вариант обучения тюркских народностей, который предусматривал введение дополнительно пятой группы после четырех лет обучения. Половина материала, изучаемая на четвертом году обучения переносилась на пятый. Среди финно-угорских народностей был принят первый вариант обучения, согласно которому, до первой группы обучения открывалась нулевая (9).

После обязательного введения преподавания русского языка для национальных меньшинств, в некоторых школах прекратили обучать на родном языке. Преподавание на родном языке среди татаро-башкирского населения было поставлено четко, так как эти народы имели традиции обучения на родном языке еще в дореволюционное время. Среди школ финно-угорских народностей, и тем более народов Тобольского Севера, обучение на родном языке было частично на первом и втором годах обучения, а начиная с третьего года обучения переходили на русский язык, что было, безусловно, ненормальным явлением.

С 1928 г. во всех национальных школах стали обучать детей на родном языке. Дефицит преподавателей русского языка во многих школах компенсировался нацкадрами. Обучение русскому языку в таких школах было полностью предоставлено на личное усмотрение и опыт каждого учителя. В такой ситуации учитель-нацмен столкнулся с большими трудностями, что нередко приводило к упрощению преподавания русского языка, отсутствию системы и последовательности в обучении. Так, например, в одной татаро-башкирской школе Кизеловского района Верхне-Камского округа обучение в четвертой группе полностью перевели на русский язык, при этом для родного языка отвели лишь восемь недельных часов. «...Результаты были таковы: ученики пассивны, многие не понимают, а уроки чтения по русским книгам проходят при активном участии только самого учителя. В той же школе учитель-нацмен ведет урок разговорной речи на русском языке, но вопросы им ставятся очень трудные, например, «что такое автомобиль, трамвай?». Конечно, ответы учитель не получает, тем более что ученики никогда таких предметов не видели! В другой школе обучение русскому языку ведет нацмен-учитель, сам плохо владеющий русским языком. Вместо слов – «пенька», «репа», «корова», он произносит: «пенка», «рипа», «курува» (10).

Для правильного обучения русскому языку в национальных школах издавались учебники, учебные и методические пособия, но так как их количество было невелико, большинство школ их не имело. Наиболее распространенными пособиями по русскому языку для школ национальностей были: Михеев «Основные правила русской грамматики для нацмен школы», Татгосиздат, г. Казань; Иванов «Русский язык в нацмен школах», Чувиздат,

г. Чебоксары, Чувреспублика; «Русский язык в мордовских школах», Издательство мордовской секции Центриздата, г. Москва (11).

Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась с изданием учебной литературы для северных народов. Иногда учебник не мог дойти до читателя по идеологическим соображениям. Так, например, в октябре 1924 г. Секцией Севера при Уралплане было принято решение издать в 1925 г. русско-остяцкий, русско-самоедский и русско-вогульский словари, разработка которых поручалась сотруднику Академии наук Н.Н. Поппе. Однако осуществить это мероприятие не удалось (12).

В начале 1927 г. Комитетом содействия народам северных окраин не был принят туземный учебник для вогулов, разработанный профессором Емельяновым, потому что «автор придерживался звукового метода преподавания грамоты. Материал для чтения (2-я часть букваря) взят из сказок и легенд (сказания о шаманах), страницы пестрят описанием убийств, плутней и обмана, что в педагогическом отношении придает отрицательное значение букварю. Букварь не затрагивает вопросов политического и революционного характера. Иллюстраций нет» (13).

Материально-финансовое положение национальных школ Уральской области в период с 1923 по 1927 гг. постепенно улучшалось. Однако, они по-прежнему испытывали большие трудности в обеспечении учебниками, учебными пособиями и школьными принадлежностями. Со стороны округов школы обеспечивались недостаточно, поэтому, в основном, они субсидировались через УралОНО. До 1925 г. наглядными и учебными пособиями национальные школы Урала были обеспечены только на 25–30 % (14).

В 1925/26 учебном году УралОНО распределил учебники и учебные пособия на семи языках в количестве 45 816 экземпляров (15). Однако, в качественном отношении многие учебники не отвечали современным требованиям и не соответствовали программам ГУСа. Татары, башкиры, коми-пермяки, удмурты, марийцы были обеспечены учебниками лишь на первые две группы, что препятствовало преподаванию в этих школах на родном языке (16).

Несмотря на то, что материальная база национальных школ постепенно улучшалась, тем не менее, их доля во всех местных бюджетах отделов народного образования сокращалась. Так, например, в 1926/27 учебном году в Сарапульском округе, где население национальных меньшинств составляло 12,4 %, на их образование было выделено от общей суммы бюджета 9,17 %. В Дубровском районе Тобольского округа население нацменьшинств составляло 24,7 %, а их доля в бюджете на образование – 16,1 %, в Кунгурском округе – 12 %, их доля в бюджете составила 10,5 % (17).

В большинстве случаев бюджетные ассигнования национальным школам области выделялись меньше, чем на развитие русских школ. Однако финансирование национальных школ требовало больших расходов, потому что нацшколам 1-ой ступени требовалась дополнительная штатная единица преподавателя русского языка и его изучение требовало удлинение обучения

с 4 до 5 лет, что одновременно увеличивало количество групп и штатных учителей. Обучение на двух языках дополнительно требовало учебников и литературы на родном и русском языках, а также канцелярских принадлежностей. Отсталая полиграфическая база, а порой и ее отсутствие, незначительность тиража выпускаемой учебной литературы приводили к тому, что учебники и литература для нацменьшинств обходилась дороже, чем на русском языке. Так, например, букварь на русском языке стоил – 20-25 коп., а букварь для нацменов – 40-45 коп. Русские задачки обходились в 40-50 коп., а на национальных языках – 60-70 коп., такая же разница была в ценах популярной национальной литературы (18).

Неодинаковы были расходы на строительство и ремонт национальных школ и культурно-просветительных учреждений, которые создавались в большом количестве лишь после Октябрьской революции. Вопрос о школьном строительстве особенно остро встал в связи с планом введения всеобщего обучения.

Такое же было положение со школьным инвентарем просветительных учреждений. Национальные общинные школы, в основном, ютились в малоприспособленных помещениях – «избушках». Эти «избушки», хотя и назывались школой, но в них ничего похожего на школу не было. Обычно у тюркских национальностей по закону «старого шариата» учащимся не полагалось сидеть за партами или на скамейках – они сидели на полу. Классных столов, скамеек, счет и т.п. не было. «...Мулла этот инвентарь в стены школы не допускал, считая, что заниматься такими светскими вещами является страшным делом. Только в последнее время некоторые «нарушители религии» и среди мулл – новообрядцы своего рода, считали возможным допустить в школах скамьи, но таких школ мало. Большинство же школ нацменов было организовано на развалинах этих национально-религиозных школ, поэтому они не имеют никакого наследства и в части школьного инвентаря» (19).

Еще одним из дополнительных расходов для национального просвещения являлись затраты на подготовку и переподготовку педагогических работников, что было связано с низкой профессиональной квалификацией учителей. Большинство школьных работников не имели достаточной общей профессиональной подготовки, так как часть из них получила образование в духовных школах, где общеобразовательные предметы не доминировали.

Многие национальности Урала были разбросаны на большой территории небольшими группами населения, поэтому организовать курсы для учителей было технически не только трудно, но и порой невозможно. Чаше всего на подготовку и переподготовку национальных педагогов требовалось их командировать в Центр или в национальные республики.

Средняя нагрузка на одного сельского учителя национальной школы составляла от 25 до 30 детей, а в некоторых местах, как, например, в Челябинском округе доходила до 80. В городских и заводских районах – от 35

по 40 детей. Помимо этого учитель выполнял общественные работы. По данным отделения профсоюза работников просвещения учитель Тобольского Севера ежемесячно в среднем затрачивал на общественную работу 59 часов (8 часов – на комсомольскую работу, 7 – на кружковую, 7 – на беседы с населением и 14 – на работу в избе-читальне) (20).

На местах к учителям всегда относились уважительно. Однако, были случаи невнимательного отношения к нуждам национального учителя, грубого администрирования, загружая его не общественно-массовой, а технической работой. Так, например, учителей татарской деревни Средний Бугалыш Кунгурского округа местные власти заставили в часы школьных занятий в течение 9 дней проводить ревизию кредитного товарищества. В марийском селе Сарсы того же округа местных учителей принудили ходить по домам, собирать сведения о том, кто сколько желает посеять в текущем году. Эти работы должны были выполнять члены сельского совета и агроуполномоченные (21). Были случаи не только невнимательного отношения к учителю, но и пренебрежение к интересам нацшкол со стороны РИКов и сельских советов. В Тобольском округе сельским советом были отобраны шкуры, хлеб и деньги, собранные в пользу школы; в Тагильском округе помещение для школы национальных меньшинств было смежным с катаверной (мертвецкой) комнатой (22). Подобный же случай имел место в Филкинской школе того же Нижне-Тагильского округа. В Тобольском округе специально отпущенные в 1925 г. 1000 руб. на ремонт школы национальных меньшинств были израсходованы на коммунальное хозяйство (23).

К этим трудностям добавим, что заработная плата учителя национальной школы по области была сравнительно низкой и неодинаковой. Так, например, в районах Тюменского округа учитель-нацмен по 12 разряду оплаты труда получал 21 руб. в месяц, а в городе по тому же разряду его зарплата составляла 30 руб. В Тобольском округе учитель по договору получал всего 15 руб. (24). В то же время заработная плата избачей в Троицком округе составляла 25–32 руб. в месяц, а инспектора райполитпросвета – 52 руб. (25).

В 1926 г. 61,9 % национальных школ по площади имели менее одного кв. метра на одного ученика, что не отвечало элементарным требованиям санитарных норм (26). Посещаемость учащимися национальных школ не всегда была удовлетворительной. Часто были пропуски из-за отсутствия одежды, обуви, по домашним обстоятельствам, а иногда даже – по случаю свадьбы в деревне (27).

Несмотря на эти трудности, количество школ нацменьшинств продолжало увеличиваться. Так, например, в 1926/27 учебном году на территории Уральской области насчитывалось 504 национальных школ 1-ой ступени, 11 школ-семилеток, 5 школ крестьянской молодежи, 2 школы 2-ой ступени, 8 дошкольных учреждений, 4 профессионально-технических училища (28).

По данным на 1 декабря 1926 г., из общего количества школьных зданий, построенных для национальных меньшинств, более 90% были построены за счет негосударственного финансирования (29).

Перестройка содержания обучения в школе во многом зависела от новых учебников и учебных программ, но в 1920-е гг. так и не удалось создать учебники для национальных школ постоянного пользования.

Большое значение для повышения качества школьного обучения имели учебные программы. В 1923 г. были опубликованы программы Государственного ученого совета (ГУСа). Авторы программ ГУСа предлагали отказаться от предметного метода основ наук и ввести вместо него «комплексный метод».

Органы народного образования, многие передовые педагоги первоначально поддержали основные принципы программ ГУСа, так как считали, что они помогут им «в борьбе против схоластики старой школы в поисках новых путей в педагогической науке». Но массовому учителю комплексный метод обучения был непонятен, тем более его не понимал сельский учитель, потому что не удавалось увязать изучение отдельных предметов в комплексе. Кроме того, отказ от предметного изложения вел к ухудшению навыков письма, счета, чтения. Естественно, снижение грамотности у учащихся вызывало недовольство родителей.

Попытка увязать обучение с жизнью, комплексное изучение материала требовали новых форм и методов занятий с учащимися. В эти годы повсеместно наблюдались попытки иллюстрировать проходимый материал. В ряде школ учащиеся сами готовили таблицы, схемы, рисунки, макеты. Старшеклассники делали своими руками простейшие модели приборов. Широкое развитие получили экскурсии. Однако в отношении новых методов обучения в этот период были допущены «левацкие перегибы». Считалось, что рассказ учителя должен быть сведен до минимума, чтобы активизировать работу самих учащихся. В дальнейшем «методическое новаторство» привело вообще к отрицанию классно-урочной системы обучения. Во второй половине 1920-х гг. начал насаждаться бригадно-лабораторный метод, «дальтон-план» и другие, которые серьезно нарушали нормальный ход учебного процесса.

В основу создания новой школы был заложен принцип политехнического обучения. В программе партии, принятой VIII съездом РКП (б), было записано о введении бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет (30).

В период 1925–1927 гг. удалось широко внедрить такой элемент политехнического обучения, как проведение экскурсий на фабрики, заводы, совхозы, кооперативы, советские учреждения. В ряде школ повышенного типа были созданы учебные кабинеты и лаборатории, в основном это были химические, биологические и физические кабинеты. Также имелись мастер-

ские: сапожные, переплетные, столярные, которые в основной массе были плохо оборудованы. Комиссия Наркомпроса в 1927 г. писала в своем отчете, что отсутствие учебного оборудования является бичом Урала.

Несколько шире политехнизация проводилась в школах крестьянской молодежи. Здесь учащиеся более обстоятельно знакомились с основами сельскохозяйственного производства. С проблемой политехнического образования непосредственно был связан вопрос о введении в школе трудового обучения. Несколько лучше было поставлено трудовое воспитание в сельских школах, где учащиеся широко привлекались к работам на пришкольных участках.

С проблемами политехнического и трудового обучения также был связан вопрос о профессионализации старших классов школ 2-ой ступени. Наркомпрос в 1924 г. решил ввести в старших классах «профессиональные уклоны», чтобы дать выпускникам некоторую практическую подготовку по одной из специальностей.

УралОНО проводил профессионализацию второго концентратора весьма осторожно. Лишь к 1927 г. в большей части школ 2-ой ступени были введены «профессиональные уклоны»: педагогический, кооперативный, административно-хозяйственный. При такой специализации школы готовили учителей начальных школ, библиотекарей, закупщиков-товароведов, приемщиков, бухгалтеров, счетоводов, делопроизводителей. В те годы, особенно в сельских районах, в работниках данных специальностей ощущалась большая потребность. Широко был распространен педагогический уклон, что объяснялось большим спросом на педагогические кадры.

Значительно хуже проходила специализация по другим уклонам. Отсутствие программ для второго концентратора, нехватка опытных специалистов для преподавания специальных дисциплин приводили к кустарничеству и узкому практицизму в обучении. Большим минусом было то, что в школах 2-ой ступени Урала – крупного промышленного района – не имелось индустриального уклона, что особенно ощущалось в национальных школах.

В новой школе большое место отводилось идейно-политическому воспитанию подрастающего поколения. Важное значение придавалось изучению новых общественных дисциплин: политграмоте и обществоведению. Однако, эти предметы до 1927 г. изучались далеко не во всех национальных школах из-за отсутствия подготовленных преподавателей.

Одной из важнейших форм идейно-политического воспитания считалась антирелигиозная пропаганда. Атеистическое воспитание детей должно было выработать у них материалистическое представление о законах развития природы и общества, поэтому все обучение в советской школе должно было способствовать этому процессу. Большое значение придавалось изучению таких предметов, как естествознание, физика, химия, история, обществоведение.

Однако значительная часть старого учительства в тот период придерживалась религиозных взглядов. Хотя эти учителя не вели в школе религиозной пропаганды (что было запрещено советскими законами), они в то же время не воспитывали детей в атеистическом духе, и, естественно, не критиковали религию.

Несмотря на объективные и субъективные трудности в деле просвещения этнических меньшинств Урала, результаты этой работы были существенны. Так, например, с 1923/24 по 1927/28 учебный год сеть начальных школ по Уральской области увеличилась на 23 %, при этом сеть национальных школ – на 40 % (31). Улучшение экономического положения страны позволило увеличить расходы на народное образование. Если в 1921–1923 гг. финансирование школы осуществлялось преимущественно за счет населения и хозяйственных организаций, то во второй половине 1920-х гг. – из местных и государственного бюджетов, что в свою очередь обеспечивало планомерность и гарантированность ассигнований на развитие школы.

Таблица

Удельный вес грамотного населения Уральской области по переписям 1920 и 1926 гг. (в процентах ко всему населению) (32)

<i>Национальность</i>	1920	1926
русские	28,9	40,0
татары	17,3	30,4
коми-пермяки	15,9	26,1
башкиры	12,0	21,3
украинцы	28,1	36,9
белорусы	29,8	29,1
коми	18,4	37,3
марийцы	9,3	24,9
ханты	11,0	5,6
удмурты	14,8	23,8
евреи	70,0	79,0
нагайбаки	35,0	41,9
поляки	56,5	66,5
ненцы	20,5	0,8
немцы	49,5	59,6
мордва	24,0	32,6
чувашаи	19,4	28,5
манси	12,6	6,1
цыгане	5,6	7,7
латыши	71,6	74,7

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в результате преобразований в области народного образования, уровень грамотности населения основных национальностей региона за шесть лет в среднем вырос

на десять и более процентов (за исключением белорусов), а у коми и марийцев он поднялся на 20 с лишним процентов. Резкое снижение процента грамотных у хантов и ненцев объясняется тем, что абсолютное большинство представителей этих народностей Всероссийской переписью 1920 г. не были зарегистрированы.

1. ЦДООСО. Ф.4. Оп.3. Д.13а. Л.26.
2. ЦДООСО. Ф.4. Оп.5. Д.17. Л.248.
3. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.193.
4. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.194.
5. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.195.
6. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.257. Л.25.
7. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.163. Л.204.
8. Шамматов М. Об увязке преподавания русского языка с комплексом в школах нацмен // Уральский учитель. 1926. №2. С.14.
9. Ижболдин И.А. Из жизни нацмен школ // Просвещение на Урале. 1928. № 10. С.53.
10. Там же. С.54.
11. Там же. С.56.
12. ГАРФ. Ф.Р-3977. Оп.1. Д.10. Л.77.
13. ГАРФ. Ф.Р-3977. Оп.1. Д.790. Л.83.
14. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.163. Л.114.
15. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.104.
16. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.104.
17. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.194.
18. Шамматов М. Об особенностях сметно-бюджетной работы в деле просвещения нацмен // Уральский учитель. 1926. № 5–6. С.8.
19. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1929-1937). Свердловск, 1970. С.8.
20. Желонин. Профработка на Далеком Севере Тобольского округа // Уральский учитель. 1926. №2. С.68–69.
21. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.65. Л.70.
22. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.163. Л.122.
23. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.49. Л.103.
24. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.66. Л.88.
25. ГАСО. Ф. 233-Р. Оп.1. Д.1128. Л.213.
26. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.48. Л.335.
27. ГАСО. Ф.233-Р. Оп.1. Д.1128. Л.215.
28. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5. Д.65. Л.96.
29. ГАСО. Ф.88-Р. Оп.5 Д.49. Л.110.
30. Там же. С.80. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций...
31. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала ... С.80.
32. Уральский статистический ежегодник 1923–24 г. Труды Уральского областного статистического бюро. Сер.1. Т.2. Свердловск, 1925. С.34–35; Подсчитано по: Все-союзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел 1. Население по народности, родному языку и грамотности. Табл. № 6. Т.4. М., 1928. С.103–104.